

Функции снов в романе Джорджа Оруэлла "1984"

В конструктивном строе книги Д.Оруэлла "1984" особую роль играют описания снов главного героя (Уинстона Смита), относящиеся к повествованию "от автора". Они выполняют функцию развернутого комментария к дневниковым записям Смита, которые, в свою очередь, являются толчком к появлению снов и сновидений героя.

Сны (так же, как дневник, трактат, лингвистическое мини-исследование в приложении) - ключевой смысловой центр романа, имеющий и сюжетобразующее значение.

Большая часть снов - отрывочные картины минувшего, в обрывке которых превалируют мотивы бездомности и сиротства. Они роятся беспорядочно, нарушая и логику, и хронологию. Чаще всего "ночной" Смит видит погибших мать и сестру, которые, как правило, были где-то под землей, во мраке, внизу: то ли в могиле, то ли в аду, то ли в салоне тонущего корабля. А Уинстон - на свету, наверху, на воздухе. Эти сны усугубляют боль и тоску героя, осознающего высшую ценность материнской любви и свою вину перед матерью.

Сны (их содержание, последовательность монтажа, перекличка, присущая им разветвленная сеть лейтмотивов) служат углублению психологической характеристики персонажа, раскрытию центральных тем и во многом способствуют завязыванию сюжетных узлов романа. Так, пересказанный уже в самом начале давнишний сон о стене тьмы, из-за которой Смит слышал голос О Брайена, пророчивший их встречу "там, где нет темноты", станет сном-лейтмотивом. Он будет неоднократно возвращаться, каждый раз "мистически" угадывая крутой поворот в судьбе героя (к примеру, появление Смита в доме О Брайена и в подвалах минилюба).

Счастливый сон о Золотой Стране (своеобразное продолжение сна о матери, погружающейся в глубину) - намек на реальное место первого свидания героя и героини. Он же повторится в тюрьме. Как часть "комбинированного" сна (когда ожидание пули в тюремном коридоре переходит в видение Золотой Страны) он окажется предвосхищением развязки, предвестием перевода героя в камеру пыток. Сон о матери с ее неповторимым "охранным" жестом руки, увиденный Смитом в комнате, снятой влюбленными, напомнит о себе наплывшим на Уинстона видением во время визита в дом О Брайена. Постоянно преследующий героя кошмарный сон о крысах сначала "материализуется" в комнатенке Чаррингтона, полной крыс, а затем в пыточной камере, в которой Смит, проведенный своим мучителем через стадию неразличения сна и яви, начнет блаженно грезить о пуле в затылок.

В снах Смита - отражение жизни как трагической метаморфозы. Их фантазмагорическая логика - это логика подсознания, определяемая катастрофичностью бытия. Исключением из созданных в одной и той же стилистике снов героя является сон о Золотой Стране, который разрушает это единообразие.

Пристальный интерес к подсознанию Смита (сны, по Оруэллу, адекватны подсознания), умение О Брайена читать чужие мысли и сны (мотив угадывания) - отголоски идей Фрейда о могуществе импульсов подсознательного, "сверх - я" и юнгианского психоанализа, теории Юнга о "коллективном бессознательном", о наличии у человека нескольких экзистенциальных "теней". В оруэлловской Англии, официальное мышление ("двоемыслие") граждан которой основано на централизованном гипнозе и самогипнозе, поводом для ареста не случайно становятся слова, произнесенные во сне (Парсонс). Вторжение в сны, изощренное манипулирование и контроль над ними - одна из целей перевоспитательного процесса О Брайена, знающего о снах Смита больше, чем он сам (в частности, о "мигах паники в его снах" и открытой крысобоязни). Смит из финала романа, "грезящий правильно", "видящий правильные сны", - очередное доказательство психологического господства инквизитора-провокатора.

Иногда временной зоной снов Смита оказывается будущее, облекающееся в форму утопии. Так личное пространство героя расширяется, отражая внутреннюю потребность Уинстона в разомкнутом мире, разомкнутом социуме. Это сон о Золотой Стране (своеобразной модификации земного рая), в котором глубоко символична каждая деталь, создающая особое "утопическое" пространство.

Топика снов-видений осуществляет здесь на глубинном уровне мифологическую "подсветку" сюжета. Библейские "шифры", аллюзии выражают соприкосновение временного с вневременным, вечным: мужчина и женщина из данного сна - новые вариации Адама и Евы.

В снах резче, обостреннее выступают мысли и чувства героя, приглушенные в моменты его бодрствования. Явь, полузабытье, сон, изображаемые Оруэллом в технике кинематографических наплывов, предстают как формы сложные, переходящие одна в другую. Грани между ними практически размываются, ибо они - составные части одной и той же "виртуальной", мистифицированной реальности. В ней реальны лишь тьма и клетка, в которую загоняют человека, отведя ему место крысы.

Г.М. Благасова

Тема «И.А. Бунин» в новой университетской программе по истории русской литературы XX века»

Перед редакторами и составителями новой программы для филологических факультетов госуниверситетов по дисциплине «История русской литературы XX в. (1890-1990-е годы)» во всей сложности встает вопрос о выработке научно обоснованной концепции изучения литературного процесса XX века в целом и отдельных его представителей. По мнению авторов предлагаемой программы, одна из главных концептуальных задач освоения русской литературы XX века определяется пониманием того, что история русской литературы, при всем самоценном духовном значении феномена русской литературы, отражает историю страны и ее художественной культуры, в том числе и русского зарубежья, на протяжении целого